

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253; 008(1-6)
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-139-150
EDN FHNGAZ

**Культурный мифопоэтический код Востока
в творчестве М. Пришвина: русский корень жизни Жень-шень**

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Целью работы является актуальная научная историко-литературная, историко-культурная проблематика: роль мифопоэтического культурного кода Востока в художественном сознании выдающегося представителя русского неореализма М. Пришвина. Задачи работы: уточняя дефиницию *культурный мифопоэтический код Востока*, связать мифологемы Востока и художественное сознание, философию, эстетику, образность прозы Пришвина.

Влияние мифологем Востока на Пришвина рассмотрено в контексте художественно-онтологических и эстетических характеристик русского неореализма, литературы 1920 – 1930-х годов. Обнаружено многообразное воплощение мифологем Востока в виде мотивов, архетипов, образов сочинений Пришвина.

Наиболее значимые результаты работы. Описаны историко-литературные и личностно-биографические мотивы влечения Пришвина к культурному коду Востока; установлены порожденные означенным влечением художественные типы произведений Пришвина; последние представлены в контексте его творческой эволюции. Подходы к художественно-публицистическому наследию, эпистолярию Пришвина обусловили оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства и позволили раздвинуть сложившиеся представления о типе художественного мышления Пришвина. В работе даны новые оценки ряду известных произведений. Мастерство Пришвина осмыслено в контексте актуального для русской прозы XX века неомифологизма. Дополнены

© Иванов Н. Н., 2022

научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой трети XX столетия.

Раскрытые тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Пришвина с мифом Востока позволили увидеть совсем другие, нежели было принято считать, мировоззренческие и эстетические ориентиры писателя, понять главное его устремление: ответить на вечные вопросы бытия, мироздания, национального характера.

Ключевые слова: русский неореализм; культурный код Востока и его рецепция в русской литературе; взаимоотношения русских писателей; биография и творчество М. Пришвина; мифопоэтика; мотив; архетип; интерпретация художественного текста

Для цитирования: Иванов Н. Н. Культурный мифопоэтический код Востока в творчестве М. Пришвина: русский корень жизни Жень-шень // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 139-150. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-139-150>. <https://elibrary.ru/fhngaz>.

Original article

Cultural mythopoetic code of the East in M. Prishvin's work: the Russian root of life Ginseng

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor, department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The aim of the work is relevant scientific historical literary and cultural issues: the role of mythopoetic cultural code of the East in the artistic mind of the outstanding Russian Neorealist representative M. Prishvin. Objectives of the work: clarifying the definition of cultural mythopoetic code of the East, to connect Eastern mythologemes with artistic mind, philosophy, aesthetics and Prishvin's imagery.

The influence of Eastern mythologemes on Prishvin is considered in the context of ontological and aesthetic characteristics of Russian neorealism, the literature of the 1920s-1930s. The author has found a wide use of Eastern mythologemes as motifs, archetypes, and images in Prishvin's works.

The most significant results of the work. The historical-literary and personal-biographic motives of Prishvin's attraction to the cultural code of the East are described; Prishvin's literary types generated by this attraction are established and presented in the context of his creative evolution. Such approaches to Prishvin's literary, journalistic and epistolary heritage, determine the original

view of creative writing and allow to move beyond the prevailing ideas about Prishvin's artistic thinking. The work gives new opinions on a number of well-known works. Prishvin's mastery is comprehended in terms of neo-mythologism relevant to the Russian prose of the 20th century. The author expands scientific knowledge of the complex phenomena in Russian literature of the first third of the XX century.

The article shows close and fruitful links of Prishvin's worldview and work with Oriental myth which allows to see quite different ideological and aesthetic guidelines of the writer, to understand his main aspiration: answering the eternal questions of existence, the universe and the national character.

Key words: Russian neorealism; cultural code of the East and its reception in Russian literature; relationship among Russian writers; M. Prishvin's biography and work; mythopoetics; motif; archetype; interpretation of literary text

For citation: Ivanov N. N. Cultural mythopoetic code of the East in M. Prishvin's work: the Russian root of life ginseng. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):139-150. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-139-150>. <https://elibrary.ru/fhngaz>.

*Посвящается 150 – летию
со Дня Рождения Михаила Пришвина*

Введение

Осенью 1931 года М. Пришвин по заданию газеты «Известия» совершил поездку на Дальний Восток, а вскоре опубликовал повесть с экзотическим для русского читателя названием «Жень-шень», в которой изложил свои впечатления от посещения этой далекой прекрасной земли. Осень в Приморье – время особенное, чудесное: увядание лета ознаменовано яркими красно-желто-зелеными красками; у поэтически организованных натур впечатления от внешнего мира перетекают в тонкие душевные движения; это мирочувствование, эстетика импрессионизма.

И название, и сам художественный материал повести выглядят экзотическими лишь при поверхностном знакомстве. Повесть отличается удивительным сочетанием лиризма и философской глубины и, в каком-то смысле, является этапной. В 1931 году Пришвин был совсем не молод: ему уже исполнилось 58 лет, главные книги, как отмечал он в дневниках, уже были написаны. Но, приближаясь к заветному финалу, Пришвин выдавал сочинения, открывавшие творчество писателя с новой стороны.

Пришвин и мифологемы Востока

Будучи еще учеником Елецкой гимназии, мечтавшем о какой-то загадочной, иллюзорной, сегодня сказали бы виртуальной Азии, будучи учеником Василия Розанова, тогдашнего его учителя географии, Пришвин придумал и включил в искусно монтируемый им авторский миф мифологему – символическую Кашееву цепь, кольца которой сковывали его на протяжении более трех десятилетий. «Жень-шень» – один из этапов в освобождении от власти Кашея.

На заре XX века, вступая в профессиональную литературу, Пришвин посещал заседания Петербургского религиозно-философского общества. Это объединение творческих людей оказало огромное влияние на убеждения, на эстетические принципы Пришвина: формировались характерные для него пантеизм, натуралистический анимизм, натурфилософия [Иванов, 2020a]. 24 июня 1942 года, восстанавливая в дневнике давний, но памятный, состоявшийся в 1912 году разговор с А. Блоком и Д. С. Мережковским о К. Гамсуне и его романе «Пан», Пришвин процитировал Мережковского: «Я не знаю, – сказал М., – какой интерес заниматься природой после Гёте; о пантеизме все сказано, все пережито, все старо» [Пришвин, 1985, с. 667]. Но реакция начинающего, но совсем не молодого писателя оказалась двойственной: «Совершенная правда

была в словах М., но она тогда не могла меня тронуть, потому что я сам должен был пережить пантеизм по-своему» [Пришвин, 1985, с. 667]. Пантеизм «по-своему» он пережил, пройдя путь от Маркса до Гёте и Вагнера, от Гоголя до Толстого и Розанова, объездив всю европейскую Россию и Среднюю Азию: Крым, Подмосковье, Смоленская губерния, Переславль-Залесский, бескрайние степи Киргизии. Наконец, судьба распорядилась, и Пришвин оказался в Приморье, ставшем воплощением его заветной мечты об Азии, куда он порывался убежать еще в детстве. В дневниках Пришвин писал о том мощнейшем душевном открытии, откровении, рождающемся в нас, когда попадаешь в места, о которых думал, читал в молодости, в годы личностного становления.

Ремизов, Горький, Пришвин, А. Толстой, С. Н. Сергеев-Ценский, другие писатели, выверяя свои заветные помыслы, полемизируя с официальной, книжной культурой, искали героев, возвращенных культурой иной, искали их в язычестве, мифе, народном православии, «отреченной» книжности – апокрифах. В этом же ряду и идеологемы повести «Жень-шень», построенные вокруг экзотического для русской культуры таежного китайского корня жизни [Иванов, 2020a].

Возвращаясь к тому выдающемуся Петербургскому религиозно-философскому обществу, зная, насколько дороги были для При-

швина Д. С. Мережковский и В. В. Розанов (при всем противоречивом его отношении к ним), подчеркнем следующее. Начинаясь пантеист, натурфилософ отмечал, что он бывал «желанным гостем у самых изысканных слушателей «искусства для искусства», равно как и среди <...> представителей таких глубоких народных слоев, куда редко проникает глаз образованного человека» [Пришвин. Наши берега]. На этом пути и состоялось развитие фольклорно-мифологического архетипа «народного мудреца», или «мудрого простеца». В свое время его изучали А. Н. Афанасьев, С. В. Максимов, о нем говорили Е. Н. Трубецкой, В. Н. Лосский, его функции, на уровнях сказочных персонажей и сюжетных многоходовок, систематизировал В. Я. Пропп. Чем же объясняется влечение русской творческой интеллигенции начала XX века к столь экзотическим типам? Автобиографический герой первых циклов Пришвина «За волшебным колобком», «В краю непуганых птиц» отправляется на Русский Север из Петербурга. Это – человек европейский, просвещенный. Знаем также, что Пришвин учился в Германии, в Лейпциге, в том же университете, где когда-то учился великий просветитель и рационалист И. В. Фон Гёте [Иванов, 2020б]. И вдруг – экзотические края: Север, Восток, Азия. Какова мотивировка подобных устремлений? Что стояло за пришвинскими

метаниями, раздумьями о человеке? В 1907 – 1908 годах, путешествуя по крайнему Северу России и Норвегии, посетив Соловки, стоя на Анзорской Голгофе, автобиографический герой Пришвина думает о человеке в христианской ценностной парадигме. Оказавшись под обаянием китайца Лувена («Женьшень»), размышляет о личности на фоне откровенно буддийских проекций.

В русском неореализме был популярен востребованный из мифологии, фольклора тип учителя, знахаря, колдуна [Иванов, 2020а]. Многих писателей он манил близостью к потусторонним силам, знанием способов воздействия на духовный мир человека. Он реализуется в мотивах дороги, судьбы, бродяжества, сна, поисков «иног царства», обретения чудесных даров. Художественно раскрывается данный тип в жанровых формах легенды, предания, сказки, исповеди, жития. Пришвин тяготел к сказочным формам: повесть-сказка, сказка-быль, роман-сказка. Такого плана персонажи предстают в рубище бродяги-юродивого, прикрываются скоморошьей ролью безумца. Они появляются в наиболее важных местах повествования: преодолевают земные узы и направляют к Небу, умирят природу, разрывают кольца ненавистных цепей. В сказках, например, «момент безумия» – момент вселения духа <...> приобретения соответствующих способностей»

[Пропп, 1998, т. 2, с. 182]. Такого плана персонажи влекли М. Горького, а за влечением подобным стояла опять же магнетическая тяга Горького к Востоку, о чем он писал в статье «Две души»: «У нас, русских, две души...». В обилии созданных Горьким типов особое место занимают Антипа Вологонов из рассказа «Нилушка», Тихон Вялов из романа «Фома Гордеев», мужики, ловившие несуществующего сома, поднимавшие колокол в повести «Жизнь Клима Самгина», Осип из рассказа «Ледоход». Все обладают тайным знанием или наделены чудесными, скрытыми для окружающих, дарами.

Пришвин же погрузился в экзотику еще более пеструю, необъяснимую. Окунувшись в опыт заволжских хлыстов, Пришвин писал Ремизову (ноябрь, 1909) по поводу сообщения Мельниковым-Печёрским фактов изуверства секты: «Это все враки. Мельников – известный враль» [Пришвин. Письмо А. М. Ремизову]. Там, в лесной глуши, среди непроходимых болот он постигал древние традиции русского иночества, юродства, бегства от мира, наблюдал живых носителей премудрости: старообрядцев, отшельников, сектантов, хлыстов. «Бога нужно прятать как можно глубже» [Пришвин и современность, 1978, с. 226] – одна из многих сентенций, вобравших уроки батюшек из скитов. Рубежом 1910 – 1911 годов датируется другое признание: «На границе

природы и человека нужно искать Бога» [Пришвин и современность, с. 226]. Добавим, что обитавшие в мистической башне из слоновой кости Мережковский, З. Н. Гиппиус тоже интересовались этой сокровенной темой и пробовали подойти к стенам Града Невидимого Китежа.

Пришвин искал «такое знание, чтобы открывалось все – и человек, и природа» [Пришвин, 1982–1986. Т. 1, с. 201, 202]. «Просто поэт в душе» как говорил о себе он [Пришвин, 1982–1986. Т. 1, с. 555], мог раствориться в образе бродяги, странника, в идеале – жреца, народного мудреца. Открыв «корень жизни», он учился, как говорил Пропп, «управлять стихиями», знал «тайну социального устройства» [Пропп, 1998, Т. 2, с. 230]. Эквивалентом философского камня, зерна жизни, эликсира молодости и становится легендарный корень жень-шень.

Любимые персонажи писателя из повествовательного цикла «За волшебным колобком», повести «Кладовая солнца», романа «Осударева дорога» стремятся обрести сакральное знание, проходят через множество испытаний. Водная преграда и «таинственный лес» задерживают путников и отсеивают чужаков. Странники Пришвина испытываются сном, отгадыванием загадок, страхом перед дикими животными и «временной смертью». В лесу над ними совершаются обряды посвящения-инициации, там

они наделяются волшебными предметами, магическим знанием: у Надвоицкого водопада и на Соловецкой Голгофе, в Блудовом болоте и Корабельной чаше, в таежной фанзе у «корня жизни» или в общении с дальневосточным оленем Хуа-лу. Тропа в лесу, путь по воде – это еще и дорога в иной мир, а на уровне подсознательно-психологическом – символическое изживание первородных комплексов несовершенства, тревожных предчувствий и ожиданий, преодоление «социальных и родовых тягот» [Пришвин, 1990, с. 65].

В повести «Жень-шень» функциями сказочного мудреца, посвященного во все тайны зеленого мира, учителя, знахаря, колдуна наделяется китаец Лувен. От него главный герой воспринял «хитрую науку»: чуткость к шуму ветра и движению воды, знание языка птиц и зверей, наконец, способность влиять на природный мир. В Лувене удивляет «не то, что он мог разбираться в жизни тайги, а все на свете оживать» [Пришвин, 1977, с. 42]. Основа подобных талантов – «уменье, а не знанье» [Пропп, 1998, т. 1, с. 195]. Для Пришвина идеальным воплощением таких даров мог бы стать сказочный «звериный царь» или языческий Велес – властелин растительного царства. Появляется еще одна реминисценция – Лесной царь Гёте.

Народные мудрецы Пришвина – проводники высших, тайных, труднодостижимых знаний.

Лувен в поисках корня жизни сроднился с природой и поколениями давно ушедших людей. «Отдельные жизни человеческие были мне как волны». Лувен достиг того уровня самоуглубления, когда даже во зле виден «проток» к добру. Удивительна переключка художественной повести «Жень-шень» и дневников Пришвина: «Непреречно же в процессе творчества зло переходит в добро» [Пришвин, 1990, с. 70].

Тип бродяги, странника в идеале стремится к жрецу, народному мудрецу, и этот образ всегда привлекал Пришвина; настолько, что в нем растворялся даже архетип творческой личности. Отвлеченное книжное знание не выдерживало конкуренции с живой жизнью, носителями которой выступали разных качеств глубинные народные типы [Юнг, 2006; Савельева, 2013].

Пришвину не была чужда, как говорил он о себе, роль «просто поэта в душе» [Горький, 1949–1955. Т. 1, с. 555]. «Мудрецом» М. Пришвина назвал М. Горький и, видимо, за устремленность первого к *живому знанию*, физической и духовной сущностям единого мира [Горький, 1949–1955, Т. 29, с. 477].

Разрешение противоречий между народом и интеллигенцией, духом и плотью Пришвин видел в соотнесенности природы и цивилизации, разорванных веками двух пластов культуры: древность, миф, народная культура диктовали гармонические «соответствия» чело-

века и мира; другой был рожден трагическим отчуждением людей XX столетия от животворных основ мироздания. И запечатленные в мифе, фольклоре, традиционной культуре ценности стали в его понимании критерием внутренних потенций личности, аналогом полноценной и полнокровной жизни, перспектив развития русской нации. «Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел» [Пришвин и современность, 1978, с. 239]; «Как вернуть свои переживания в природу. Как раскрыть их во всю стихийную ширь?» [Пришвин и современность, 1978, с. 239]; «Я жил, получая кровь от матери-земли, и тут какая-то большая радость и любовь была и правда» [Пришвин и современность, 1978, с. 239].

В повести «Жень-шень» концепты-идеологемы «моя родина» и «неведомая природа» метафизичны. Автор подразумевал узнавание в природе сущности человека. Живя в лесу, в тайге, герой попал, как он говорит, в «какой-то по моему вкусу построенный рай» [Пришвин, 1977, с. 7]. Рай, построенный по моему вкусу, не тот ли, о котором автобиографический герой мечтал в детстве? Достижению Рая препятствовала вездесущая Кашеева цепь, но Кашей бессилен перед мудростью китайца Лувена.

Первая ступень духовного роста, на которую поднял героя Лувен, – открытие внутреннего родства человеческих душ, но до пол-

ного освоения этого феномена ему еще далеко. Писатель разрабатывал образ Лувена, учитывая всяческие стороны древнего архетипа народного мудреца. Этот посвященный во все тайны охотник «повидимому, пришел в тайгу не тем глубоким и тихим человеком, каким он сделался в поисках корня жизни» [Пришвин, 1977, с. 41].

Пришвинский Лувен появился на просторах русской литературы закономерно. Это была определенная традиция и, заметим, стойкая. Пришвин высоко ценил своего выдающегося предшественника В. К. Арсеньева, автора романов «В дебрях Уссурийского края», «Дерсу Узала». Дерсу Узала, Лувен принадлежат к одному художественному типу: естественный человек, дитя природы, почти как у Ж.-Ж. Руссо. Между первыми сочинениями Пришвина и повестью «Жень-шень» связи едва ли не причинно-следственные. Герой циклов «за волшебным колобком» (Из записок на крайнем Севере России и Норвегии), «В краю непуганых птиц» буквально бежит из города, и неслучайно первому из них предпослан эпитафия из знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева: «Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров <...> заеду туда, куда люди не ходят» [Пришвин, 1982–1986. Т. 1, с. 182]. В столь откровенно обозначенных акцентах, симпатиях угадываются мотивы последующих

поисков Пришвина: заеду туда, куда люди не ходят.

«Меня удивляло не то, что он мог разбираться в жизни тайги, а все на свете оживлять» [Пришвин, 1977, с. 42]. Основой подобных талантов Пропп называл «уменье, а не знанье» [Пропп, 1998, Т. 1, с. 195]. Став добровольным учеником китайца, повествователь достиг той степени духовного просветления, когда доступно созерцание корня жизни. В семантическом контексте повести жень-шень мыслится как волшебное растение, мистический корень жизни: «Приковало меня к созерцанию корня молчаливое воздействие на мое сознание этих семи человек, погруженных в созерцание корня жизни. Эти живые <...> были последними из миллионов за тысячи лет, ушедших в землю, и все эти миллионы миллионов <...> верили в корень жизни <...> так точно теперь отдельные жизни человеческие были мне как волны <...> понимать силу корня не по себе самому <...> а в сроках планетного и, может быть, еще и дальнейшего времени» [Пришвин, 1977, с. 27]. Состоялось великое открытие единства времен, связей умерших с живыми, сиюминутного с вечным, «планетным» временем, природного с человеческим, понимание плодотворности веры в корень жизни тех, кто умер, всеобщего делания для торжества жизни.

Своеобразна и концепция художественного времени в этой пове-

сти. Время, проведенное у лесного учителя, – неопределенное, оно и мгновенное, и бесконечное. «Прошло десять лет с тех пор, как я с помощью прирученной Хуа-лу поймал много рогачей и начал строить большое пантовое хозяйство <...> Но бывает напряжение корневой силы жизни так велико, что вы любимого человека, раз навсегда утраченного, находите в другом, и начинаете нового любить, как утраченного» [Пришвин, 1977, с. 76]. Смысл хода времени состоит в трансформации творческих усилий прошлого в настоящее. Наконец, осуществляется прикосновение к «самому источнику творческих сил» [Пришвин, 1977, с. 35].

В молодости рожденная идея пересоздания сущего, столь близкая искусству Серебряного века, питая писателя до старости, обрела высшую философско-эстетическую значимость. Дневники Пришвина последних лет исполнены раздумьями о преодолении социальных катаклизмов через сотворчество человеческого и стихийно-природного. Катаклизмам противопоставлены самоуглубление, созидание, с высоты которых даже во зле виден «проток» к добру: «непременно же в процессе творчества зло переходит в добро» [Пришвин, 1990, с. 70].

Заключение

Пришвин и в евангельские ассоциации включил природу как часть Божьего замысла. Его при-

родные образы соединили переживания терзаемого противоречиями духа и плоти, убийства и любви взрослого путешественника и подсознательные образы ребенка о гармоничном мире, детские представления о рае, ином царстве, сказку, внутреннее творчество, мечту и поиск «небывалого», «и старых, и малых».

Жизненные проекты состоялись, если суммированы желанные цели, поставленные перед собой многими героями и М. Пришвиным. Символичен смысл движения

к цели – это восхождение к солнечной правде, принятию «нового великого света», обретение загадочного корня жизни. Неизведанная природа постигнута, и беда обратилась во благо. Такое обогащение духовного бытия персонажей снимало состояние «первоначальной беды». «Какая глубина целины, какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят, не поняв свой Жень-шень» [Пришвин, 1977, с. 68].

Библиографический список

1. Горький М. Собрание сочинений : [в 30 томах]. Москва : ГИХЛ, 1949 – 1955.
2. Иванов Н. Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
3. Иванов Н. Н. Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина Лесной царь, Фауст, Мефистофель / Н. Н. Иванов, Л. И. Зимица // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 43–48.
4. Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют. Семейный дискурс русской и мировой литературы: монография / научн. ред. Е. М. Болдырева. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 271 с.
5. Пришвин и современность. Москва : Современник, 1978. 333 с.
6. Пришвин М. М. Зеркало человека. Москва : Правда, 1985. 670 с.
7. Пришвин М. М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909 – 1952 годов // Наше наследие. 1990. № 1, 2. С. 63-82.
8. Пришвин М. М. Наши берега / из книги «Искусство как образ поведения» ЦГАЛИ. ф. 2569. оп. 1. ед. хр.535. л. 3.
9. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. 21 ноября 1909 г. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп. 1. ед. хр.175.
10. Пришвин М. Собрание сочинений : [в 8 томах]. Москва : Художественная литература, 1982 – 1986.
11. Пришвин М. М. Родники Берендея. Москва : Советская Россия, 1977. 393 с.
12. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва : Лабиринт. Т. 1, 2. 1998.
13. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: Монография. Алматы : Жазушы, 2013. 520 с.
14. Юнг К. Г. Человек и его символы. Санкт-Петербург : АСТ, 2006. 316 с.

15. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durchgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.

Reference list

1. Gor'kij M. Sobranie sochinenij = Collected works : [v 30 tomah]. Moskva : GIHL, 1949 – 1955.

2. Ivanov N. N. Filosofija, jestetika i pojetika tvorčestva Mihaila Prishvi-na = Philosophy, aesthetics, and poetics of Mikhail Prishvin's work : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.

3. Ivanov N. N. Carstvo «nebesno-zemnoe, duhovno-plotskoe»: recepcija motivov Gjote v tvorčeskoj jevoljucii M. Prishvina Lesnoj car', Faust, Mefistofel' = The kingdom of "Heaven and earth, spiritual and physical": Goethe's motifs in the creative evolution of M. Prishvin (The Forest King, Faust, and Mephistopheles) / N. N. Ivanov, L. I. Zimina // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2020. № 2. S. 43–48.

4. Nezhdannij, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnyj i ujut. Semejnyj diskurs ruskoj i mirovoj literatury = Unexpected, like a flower over the abyss, family hearth and comfort. Family discourse in Russian and world literature : kollektivnaja monografija / nauchn. red. E. M. Boldyreva. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 271 s.

5. Prishvin i sovremennost' = Prishvin and modernity. Moskva : Sovremennik, 1978. 333 s.

6. Prishvin M. M. Zerkalo čeloveka = The mirror of man. Moskva : Pravda, 1985. 670 s.

7. Prishvin M. M. Lesa k «Osudarevoj doroge». Iz dnevnikov 1909 – 1952 go-dov = The Woods to the "Tsar's Road". From 1909-1952 diaries // Nashe nasledie. 1990. № 1, 2. S. 63-82.

8. Prishvin M. M. Nashi berega = Our shores / iz knigi «Iskusstvo kak obraz povedenija» CGALI. f. 2569. op. 1. ed. hr.535. l. 3.

9. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu. 21 nojabrja 1909 g. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina. Fond Remizova. № 634. op. 1. ed. hr.175 = Prishvin M. M. A letter to A. M. Remizov. November 21, 1909. M. E. Saltykov-Shchedrin state public library. Remizov Fund. No. 634. op. 1. st. un. 175.

10. Prishvin M. Sobranie sochinenij = Collected works : [v 8 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982 – 1986.

11. Prishvin M. M. Rodniki Berendeja = Berendey springs. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1977. 393 s.

12. Propp V. Ja. Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volsheb-noj skazki = The fairy tale morphology. Historical roots of the fairy tale. Moskva: Labirint. T. 1, 2. 1998.

13. Savel'eva V. V. Hudozhestvennaja gipnologija i onejropojetika ruskih pisatelej = Artistic hypnology and oneiro-poetics of russian writers : monografija. Almaty : Zhazushy, 2013. 520 s.

14. Jung K. G. Chelovek i ego simvolj. Sankt-Peterburg : AST, 2006. 316 s.

15. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.

Статья поступила в редакцию 09.07.2022; одобрена после рецензирования 04.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 09.07.2022; approved after reviewing 04.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022